

Ольга Левская

ЖЕНСКАЯ ГРАММАТИКА

Красноярск 2017

ББК 84 (2Рос = Рус)

Л 37

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии
Союза российских писателей

Вёрстка: **Виталий Овчаренко**

При оформлении обложки использованы картины

Анны Осиповой:

«Девушка со слезой»,

«Уйэлер тухары Бицргэ» («Вместе на тысячелетия»)

ISBN 978-5-9909932-8-0

Левская Ольга

Л 37 Женская грамматика: книга стихотворений / О. С. Левская — Красноярск: ООО «Палитра», 2017. — 132 с.

© Левская О. С., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

НЕТИПИЧНЫЙ ДЕБЮТ	5
ГЛАГОЛ	9
§ 1. а, кстати некстати кости стати встаньте ложитесь лучше держитесь	9
§ 2. Газета «Правда», присловье «правда?»	10
§ 3. Меня сегодня разбудил хруст снега под окном	11
§ 4. Пора учить иврит, китайский, кошку	13
§ 5. Почитай, полистай, посчитай	14
§ 6. Стремительно, со скоростью поезда	15
§ 7. Спокойно ли тебе? Светло ли? Зябко?	16
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	17
§ 1. Моя вселенная течет своим рядом ладком музычкой	17
§ 2. Когда мне было да что там глупа не говори	18
§ 3. Магия ритуала. Закрывать глаза, щелчок	20
§ 4. Тысяча девятьсот пятнадцатый, Камышлов	21
§ 5. Пыльца и пыль мешаются	23
§ 6. Моя южно-русская бабушка играет на пианино	24
§ 7. Хочешь рыбу? — Будет рыба	26
§ 8. Столярное дело такое простое на ощупь	27
§ 9. На моих фотографиях все чаще вижу	28
§ 10. Что досталось от востока?	29
§ 11. Внезапно посреди усталого талого дня	30
§ 12. Сколько волка ни корми — все равно подохнет	32
§ 13. Умиротворе	33
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ-2 (МЕСТОИМЕНИЕ)	34
§ 1. Пусть пишут про душу-праздник, про время, про бытие	34
§ 2. Я безопаснее бритвы бердск	36
§ 3. Как уехать из города где все прохожие похожи на	37
§ 4. Прозопагнозия (Я хватаюсь за тех, кого помню)	39
§ 5. Сыпать в птицепечень майоран и орегано	42
§ 6. А Ева ждет продолжения танца, целует в скважину дверь	43
§ 7. Пламенное безразличие	45
§ 8. Ты что не видишь у меня к тебе кончилось все	46
§ 9. У него недостаточно памяти	48
§ 10. Ты, главное, пожалуйста, держись	49

§ 11. Мое сердце не способно любить так, как в детстве любило	50
§ 12. Все мы так и или иначе сопутствующие жертвы	52
§ 13. Прозопагнозия-2	53
§ 14. А давай меня пожалеем, я не буду сопротивляться	54
§ 15. Все однажды закончится, я попрощаюсь и выйду	55
§ 16. Пожалуйста, дайте мне еще времени	56
§ 17. Вещное сущное щупаешь зябкими пальцами	58
§ 18. Стираешь брови, нежно, смываешь тон	59
СИНТАКСИС СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ	60
Кадмово наследство	60
§ 1. Рыбный день	64
§ 2. Старуха сторблена над корытом	66
§ 3. Песок, песком, песку... Склонять сыпучесть	67
§ 4. Я, песчинка усталая, тихая, выбитая из потока	68
§ 5. Каждый вечер по меридианам проходит тень	70
§ 6. В старой посуде прячется время и застывает	72
§ 7. я так и буду – старенькой – собой	74
§ 8. В глазах впередсмотрящих	75
§ 9. Мы покалечены вечностью. Точит вода песчаник	76
§ 10. Вот это вот все – суета легкослезных девиц	77
§ 11. Время пыльных песчаных	78
§ 12. Пастерначное	79
§ 13. когда мир был совсем ребенком	81
§ 14. И царственно бряцают купола	83
МЕЖДОМЕТИЕ	84
§ 1. Мальчик стоит, предлагает знакомство	84
§ 2. У-Вечное	86
§ 3. Памяти Боуи	88
§ 4. Она проходит гостеприимной хозяйкой	91
СИНТАКСИС СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ	93
§ 1. Дыхание как вдохновение начинается после срока	93
§ 2. ИБОНАДО	94
§ 3. В каждом времени – своего семени	95
§ 4. Между ласточками вечности (свист крыльев, по небу точки)	96
§ 5. У каждого есть свой способ не стать травой	97
§ 6. Попасть в болевую слепым указующим пальцем	99
§ 7. А по белу грязну свету	100
§ 8. Вынимаешь душу, вывешиваешь на просушку	102
НАРЕЧИЕ	103

НЕТИПИЧНЫЙ ДЕБЮТ

«Женская грамматика» — первая книга стихов Ольги Левской.

Это странно — как с житейской, так и с творческой стороны. С житейской, потому что перед нами отнюдь не робкая девушка-дебютантка с заветной тетрадкой своих первых сочинений, а вполне взрослая, самодостаточная, умудрённая жизнью женщина (между прочим, мать троих детей). С творческой, потому что Ольга — абсолютно сложившаяся поэтическая личность со своей тематикой, стилистикой, интонацией, образностью, то есть вещами, которые иные авторы ищут всю жизнь (и не всегда обретают). Отчего же первая книга — только сейчас (так поздно)?

Если бы в литературе, как в шахматах, существовала «Теория дебютов», то при знакомстве с нею обнаружили бы любопытные закономерности. Ранние дебюты редко бывают удачными. Дерзкими, шокирующими, эпатажными — это да! А поэтически значительными — почти никогда. Причем первый приговор молодому да раннему скандалисту обычно выносит не консервативно-охранительная критика, а... сам творец. Евгений Евтушенко издал свой первый сборник «Разведчики грядущего» (1952) в 19 лет и уже очень скоро как бы извинялся перед читающей публикой за наивность и легковесность своих юношеских деклараций. Пастернак в «Людах и положениях» прямо отрешивается от стилистики своего дебютного сборника «Близнец в тучах». Ну и классической в своём роде стала история поэтического дебюта Николая Некрасова: то, что он выпустил постыдно плохую книгу, молодой поэт понял сразу и в несколько дней скупил и уничтожил весь тираж. Сейчас только завидные букинисты могут похвастать тем, что видели первую книгу стихов Н. А. Некрасова «Мечты и звуки». Вы будете смеяться, но почти такая же история случилась и с дебютом Н. В. Гоголя: он тоже стыдился своего первого сочинения — стихотворной идиллии «Ганс Кюхель-

гартен» — и не включал его ни в одно прижизненное издание своих произведений.

Особую категорию в истории русской поэзии представляют собой «поздние дебюты». В XX веке их было три — Арсений Тарковский, Семён Липкин и Мария Петровых. Они писали стихи всю жизнь, параллельно занимаясь поэтическим переводом, но по разным причинам их первые книги сформировались и вышли к их 50-60-летию. К нам пришли готовые, сложившиеся Поэтические Миры, причем ясно, что каждый из них скрыл свою временную эволюцию: ранние стихи Тарковского или Петровых ничуть не менее зрелы и прекрасны, чем поздние.

Два разноликих демона терзают поэта-дебютанта: подражательность и оригинальность. Влияние первого почти неизбежно — в худшем случае рождается массовое и потому заурадное эпигонство (причём объектами подражания становятся не столько гении, сколько «модные авторы» типа Фофанова или Надсона), в лучшем — некая «поэтическая школа» (то ли хронологическая типа «поэты пушкинской поры», то ли стилистическая типа «поэты Серебряного века» или «школа Маяковского»).

Что касается оригинальности, то тут дело обстоит ещё сложнее, и для понимания природы этой сложности уместны будут живописные аналогии (тем более что Ольга Левская, помимо стихов, занимается ещё и живописью). Никто не знает, почему хаотичное вроде бы разбрызгивание красок по уложенному на пол гигантскому полотну рождает в одном случае гений Джексона Поллака, а в другом случае остаётся грязной и бессмысленной мазнёй. Никто не знает, почему комбинации разноцветных прямоугольников в одном случае признаются шедеврами Пита Мондриана и Пауля Клее, а в другом случае остаются неприятной детской забавой. Применительно к стихам — кто из читателей эпатажного на грани абсурдизма сборника «Столбцы» мог представить себе прекрасную ясность позднего Заболоцкого? Кто из пробившихся сквозь метафорическую невнятицу «Сестры моей жизни» прозревал в молодом Пастерна-

ке будущего автора «Рождественской звезды», «Зимней ночи», «Разлуки» и «Гефсиманского сада»?

А что если истинная оригинальность «Женской грамматики» состоит не столько в том, что в ней есть, сколько в том, чего в ней нет? А нет тут стихов о любви и стихов о природе! Совсем? Совсем! Заметьте, я не ставлю Ольге Левской в заслугу отсутствие в её стихах суетно-нахальной публицистичности — это как раз естественная черта всякой настоящей поэзии. Но как она ухитряется находить путь к сердцу читателя без любви?! Без всех этих сугубо дамских признаний-обмираний на тему «любит — не любит»... И, что ещё удивительнее, без чисто женских всхлипов-восторгов насчёт восходов-закатов, цветочков-травинок-листопадов... А вот так и обходится, потому что видит вещи и поважнее.

Стихи, составившие первую книгу Ольги Левской, привлекают взыскательного читателя сочетанием вроде бы несочетаемых черт — свежести и непосредственности лирического чувства и строгой литературной отделки каждой строки. Именно о таком «балансе» писал в своё время С. Маршак:

Полные жаркого чувства,
Статуи холодны.
От пламени стены искусства
Коробиться не должны.

Несвойственная дебютной книжке идеальная уравновешенность стиля и тона идёт и от житейской умудрённости, и от литературной искущённости автора. Ольга Левская не из тех поэтов, которые целиком полагаются на приступы «священного бешенства», по недоразумению именуемого «вдохновением». Она прекрасно осознаёт, что и как пишет, и в этом нет ни малейшего привкуса «учёного рационализма» — перед нами Поэт, но поэт думающий, филологически образованный, о чём, кстати, свидетельствуют и структура, и название сборника — «Женская грамматика». Вот как сам автор поясняет это название:

«Сперва появилась подборка стихов, которые назывались «утреннее буднее», «ночное неспящее» и так далее — описания состояний, сопутствующих моментам появления текстов. Потом в моем разделе на «Самиздате» я назвала эту подборку «мои прилагательные», параллельно отметив многозначность — прилагательные как класс объектов, мне сопутствующих в жизни — дети, мужа, истории.

Параллельно существовал когда-то отмеченный как интересный «Хазарский словарь» Милорада Павича, с мужской и женской версией.

Когда возникла идея книги, название было сразу — потому что многозначность названий разделов грамматики меня изначально вдохновляла, и какая-нибудь «Грамматика английского языка» Бархударова своей прекрасной логикой изначально легко рисовала план, а названия глав оставляли полную свободу наполнения — от формы можно идти к содержанию через любые ассоциативные дорожки. Я чуть не ушла в голый формализм — так хотелось использовать частотный метод или словарный. Но все-таки поэтическая логика победила — книга по форме тоже отошла от строгой грамматики, перейдя к грамматике как приложению, грамматике как домику для смыслов».

Вы заметили? Даже в этом чисто научном пояснении невольно прорывается голос Поэта («ассоциативные дорожки», «домик для смыслов»). Когда я впервые читал рукопись этой книги, мне было жаль, что я не могу просто воскликнуть: «Боже, какие прекрасные стихи!» (лет тридцать назад я бы так и сделал). Но сейчас мне остаётся надеяться, что эту искреннюю радость открытия настоящего поэтического таланта разделит со мной образованный и взыскательный читатель.

Владимир ВАСИЛЕНКО

ГЛАГОЛ

§ 1. а, кстати некстати кости стати
встаньте ложитесь лучше держитесь
оставьте останьтесь сядьте, встаньте,
вот это ваше важно не важно
простите уйдите вернитесь верните,
да, заверните, не говорите
нет, говорите, о, сколько прыти,
каждый поймите лучше несите
чушь эпитафий гоневы пифий
подано в график выдано в мифе
были и сплыли врали и были
мало вас били дело не в силе
каждый тогда бы вот были бабы
только не надо все были гады
вы посмотрели фильм
о жизни поэтов
любого века
дикое время
пыль

§ 2. Газета «Правда», присловье «правда?»

Есть правда-матка, есть правда-мат,

Святая правда, простая правда

И «правда-правда!», и «Правда, Брат!»

Есть правда-посох, есть правда-вера,

Есть правда-рана, есть правда-жгут,

Есть правда-сказка и правда первых

Коперникеев, которых жгут.

Сидишь и пишешь. Ты пишешь, правда.

Читаешь, правишь, себя поправ.

И понимаешь, что трижды прав тот

еврейский дядька — «ты тоже прав».

Есть много правды, всем хватит точно,

Всю не измерить, как ни спеши.

Есть правда линии, правда точки.

Иди, работай. Иди, пиши.

И можно, лежа, слушать, как
 в печи гудят дрова,
и как шаги скрипят, ворчат —
 и пропускать слова,
и видеть мысленно кино
 про пироги и печь,
и отгонять остатки снов,
 и чувство сна беречь,
и ждать, когда придут позвать
 на завтрак с молоком.
Меня сегодня разбудил
 хруст снега под окном.

§ 4. Пора учить иврит, китайский, кошку
пора купить кефир, кровать, гитару
пора весны, мигрени, понарошку,
по кочану, по барабану... Старый
словарь историй жизненных листая,
на вкус, губами пробую и нёбом —
троянский конь и ангельская стая
в нем по соседству — нет, не букв, с чего бы
там быть соседям, звуками похожим —
там по иным проходятся раскладам.
Там сходство вырастает из подвздоший,
где *манипура с бабочками* рядом.
Считать овец, на счетах, деньги, дурой
Продать пальто, перчатки, чёрту душу
Словарь историй разбирает хмуро:
Построить, посадить, родить, разрушить.
Я загребая в горсть, пихаю в строки
и подпираю тоненькой обложкой —
вам так тепло, печально, одиноко
пора учить иврит, китайский, кошку

§ 5. Почитай,

полистай,

посчитай.

Почитай

своих ближних, и старших,

и древних, и прочих.

Понимай

птиц, зверей, насекомых,

крестьян и рабочих.

Принимай в бога, душу,

систему координат —

кто распят, кто женат, кто хвостат,

кто — без счета утрат.

Преломи

хлеб, и свет, и от радуги в сердце замри.

И пойми —

никуда не уйти от того, что внутри.

Присмотри,

обними.

Запиши, как в детстве —

Зорко одно лишь

Время.

§ 6. Стремительно, со скоростью поезда,
надвигается обаяние возраста,
В котором моя бодрая бабка стала
счастливой обладательницей меня.
Вот уж, наверное, не мечтала.
Только — кто бы когда спрашивал,
спрашивается?

Это потом —
кажется:
все даты уложены рядком,
И распознаваемым языком
Говорят.
А оттуда —
дом, работа, обеды, посуда,
Жизнь так далека до каких-то дат —
Сын еще не женат,
Дочка закончила третий класс.
Бабкино тогда — это мое сейчас,
Мы похожи, как две половинки яблока.
Сердцевина расколота надвое
И проложена нежным слоеным пирожным
времени, которое
невозможно.

§ 7. Спокойно ли тебе? Светло ли? Зябко?
У нас в раю сегодня дождь из скверны,
И зонтики — опятами на грядках,
И босиком не пробежать в таверну.
Как там у вас, в графитовом ущелье,
Где между стен домов из звуков стены,
И где никто не помнит, в самом деле,
Куда идти с подсвеченной арены,
И сколько дней займет дорога к дому
И сколько дней займет дорога к саду?
У нас в раю сегодня день истомы,
И все лежат как котики. Награда
Конечно относительна, и даже
Порой скучна, скучнее чем дорога.
Про это пусть никто тебе не скажет.
А я скажу. Но мы, стремясь к итогам,
Считаем дни до праздничных свершений,
Считаем пункты в карте до столицы.
Бессчетно дней. Бесценно время лени.
Успеть замедлить шаг. И измениться.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Моя вселенная течет
 своим рядком, ладком, музычкой.
В ее прихожую — ключом
 своя у каждого отмычка.
В ее приделах каждый сам
 какой-то свой рисует облик
Среди волов, волхвов, холмов,
 кипений белопенных облак.
В моей вселенной вселены
 в дома от мала до велика
Те, кто вседенно влюблены,
 всенощно ломаны до крика,
Те, кто от нежности любой
 в пространство старое вращает,
Те, кто без сноса все любовь
 как платье старое таскает.

А прабабка хотела след свой
оставить в руке подростка.
Непросто
теперь размотать ту нить,
которой соединить.
А был бы игрушечный проводник —
и дни
золотистой пылью облетели бы.
Надо собрать
времени кашицу
в коробку, игрушку, стекляшку, ракушку.
Вдруг будет нужно.
Вдруг не откажется.

§ 3. Магия ритуала. Закрывать глаза,
щелчок —
и ты стоишь посреди весны,
и у тебя в руке
волшебная палочка эскимо, или пряник,
или волчок —
что-то, чем только ты владеешь, и вдалеке
громоздится размытый пейзаж,
стоглавый, и в сто окон,
ты можешь в нем распознать все места,
по которым скучал,
ты свободен в него уйти, и со всех
остальных сторон
веет чем-то, что будет ждать,
как с прогулки горячий чай.
Ты стоишь посреди всего,
смотришь в свет, ощущаешь свет.
Это — детское волшебство,
Возраст — шутка,
времени — нет.

§ 4. Тысяча девятьсот пятнадцатый,
Камышлов.
Семья прапрадеда смотрит внимательно
сквозь пенку на кофейной пластине.
Выпекается светописный пирог,
корочка времени стынет.
Прапрадед стоит очень прямо.
Взгляд мягок, а рот суров.
Сестра прабабки, беременная,
с опушкой воротника.
Муж сестры, с усами, изящно лежащими
над красивым ртом,
нежно склонился к жене. Она умрет
в пятьдесят девятом, потом.
Прапрабабки крупнофаланговая рука
подпирает под локоть младшую,
Клавдию Дорофеевну —
в светлом платице, с прямым
и спокойным взглядом.
Я помню это взгляд, я в детстве
бывала с ней рядом —
с прабабкой, которую в дымке
фотографии старой кофейной

так трудно расшифровать.
Я читаю ткани, черты,
вглядываюсь в фасоны,
измеряю углы скул и глаз,
мне так важно в цветном
насыщенном жизнью сейчас
найти что-то в придачу к датам,
навести — если не мосты,
то — резкость на скрытое.
И добавить немного цвета.
Я уверена, платье прапрабабки синее.
Крупнофаланговая линия
пятерни, ожидание лета,
для парадного портрета
младшая наряжена и умыта.

§ 5. Пыльца и пыль мешаются
На подоконнике, и палец
Ползет по старому стеклу
К ущербной трещине заката,
И медью плавится громада
У горизонта. На полу
Распластан солнцеликий заяц,
Половики слегка качаются.
Подушка пахнет перьевой
Прохладой — чистой, долголетней,
И сумрак копится в углу,
Как горка пыли при уборке.
Сочится сон медово-горький
Сквозь ставни сомкнутые губ
И век. Нет тени незаметней
Чем тень, поросшая травой,
Чем память пройденного детства.

§ 7. Хочешь рыбу? — Будет рыба.
Хочешь счастье? — Будет счастье.
День стоит бетонной глыбой,
хвостик утра в нежной пасти.
Как ребенок-несмышленок,
Как старуха в день последний
Хочешь пруху — будет пруха.
Хочешь бредни? — Будут бредни.
Память вплавит крик молочниц
И реальность цифромира.
Ей неважно — хрупкость, прочность,
Гром литавров, смех сатира —
Память кинет соль цитаты.
Обернется бесполезным
Вкус малины, запах мяты.
Все, что было ценным — пресно.
Прочность кожного покрова,
Хрупкость ости, что осталась.
...Хочешь новость — будет новость.
Хочешь старость — будет старость.

§ 8. Столярное дело — такое простое
на ощупь.

В нем так основательны

древо, работа, металл.

Древесное тело слагается в новые мощи,
Которые примутся жить.

Как когда-то врался
сей ствол в окружение мира

из шума и света —

так новое тело, сведенное в новый итог,
вращет в бытие то ли плотника,

то ли поэта,

и будет работать на новый

прозрачный виток.

И в этом витке, порожденном

сознанием новым,

(у тела живого отросшим в его бытии)

Окажется жизнь непрерывнее

бренной основы,

И древо продолжится в вечны

ветви свои.

§ 9. На моих фотографиях все чаще вижу
черты сибирской бабушки.

Она все ближе.

Бабушка вставала рано, одевалась просто,
была полной, невысокого роста,
в молодости один раз побывала в Сочи,
родила сына и двух дочек.

Вырастила двух дочек.

Боялась остаться без деда.

Умерла раньше деда на восемь лет.

Сохранил фотосвет
последнюю встречу, где в ее

день рожденья мы трое —
она, моя мама, я, единые кровью —
стоим, обнявшись, разные,

как три стадии развития бабочки:
личинка, куколка, окрыленная бабушка.

§ 10. Что досталось от востока?
Выступ скулы, форма ока,
нюх на ветер, слух на лживость
и души неторопливость.

Что от запада досталось?
Бодрость членов, дум усталость,
Бесконтрольное пристрастье
к чудакам и зову счастья.

Что от южного предела?
На коне посадка, смелость
в разговоре и раздоре,
страх поддаться страху в споре.

Что от северного моря?
Память вьетой в руки соли,
Вера снам, в которых предки
делят кровотоки и клетки.

И прадоchерь в мир уходит
Шумом четырех мелодий.
И стремится понемногу
уложиться в рифмы бога.

§ 11. Внезапно посреди усталого талого дня
с рёбрами жесткости

как у старого чемодана

почувствовать странное —

Стать айвой, подмякшей, в сиропе, или

грушей с лежалым бочком,

или даже — снеговиком,

чья талая сущность

и рыхлость уходит в песочницу.

Тончиться, лучиться, закончиться

усталой, орущей

неслышно сквозь в горле ком,

связанной злым сквозняком,

и начаться — в слабости, а не в силе,

и брезжить нирваной

в клепаной плоскости

маломерного киноэкрана.

На завтра — никаких новых сеансов меня.
Я буду лиять,
вдоль созвездия рыб
выгорать на весеннем рыжем
в блеклое синее
грузной богиней
окупать все голо-бесстыжее
в зябкую зыбь
сна

§ 13. Умиротворе
У мира твое
Ни я ни я
Ни ты ни мы
Не знали до этой зимы
Что у мира рукав
Немного дыряв
Короток и широк
Как отдельный мирок
У мира творе
ний как дверей
Вот тихое чайное
Вот в битве случайное
Вот в поезде тукает
Вот в доме мяукает
Вот катится по щеке
Вот прячется в ящике
Вот дышит в подмышку
Вот пишет книжку
Вот шляется во дворе
Вот пробует ми и ре
Вот трещиной на коре
У мира так много творе

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ-2 (МЕСТОИМЕНИЕ)

§ 1. *«помоем пол, напишем про тазик
с грязной водой» (с)*

Пусть пишут про душу-праздник,
про время, про бытиё.
А я напишу про тазик,
и в тазике этом тряпье.
Вот бывшая юбка мини,
в которой сквозь бабок строй
К подъезду шагать, как по минам,
Со вскинутой головой.

Вот детская голубая
футболочка, дыр дырей —
В ней старший гонял, играя
До гаснущих фонарей.

Рубашка. Верней, останки —
рукав, воротник, спина.
Валеркина или Даньки?
Не помню.
Обнажена,
Вся жизнь уложилась в тазик,
безмолвная, и стоит
вода, мыльной пеной дразнит.

И пол до сияния мыт.

§ 2. Я безопаснее бритвы бердск
Я забыла, как смотреть снизу вверх.
Я не помню, о чем говорить при встрече
С незнакомцами, кроме «добрый вечер»
Я безопаснее церебрального секса
Я безопаснее болгарского перца
Я безопаснее плюшевых тапок
Балконной герани, омлета на завтрак
Я давно забыла, чем нужно стрелять
В тире, где вместо цели кровать,
Где развешены зайки, хиппи, байкеры
Где сердца и мозги во взаимной мозаике,
Где на входе вручают стаканы с чаем,
А на выходе каждый не распознаваем
Я безопасна я безопасна
Это не красный
В ч/б нет красного

§ 4. Прозопагнозия

Я хватаюсь за тех, кого помню,
как за корни
и ветки.

И по ним выползаю из болота обликов.
Как отличить среди человеческого облака —
одного от другого —
дорогого человека.

Втридорога дорогого
стоит — бездумно запоминать,
легко, без мозолей каменных,
как камешек взять — и принять
не дробно, не в адской мозаике,
где словно слепое — за руку,
по мелким вешкам сознания.

Запомнить бы мне меня —
мне было бы легче с прочими,
но я живу многоточием.

Себя ежедневно-нощно
из выданного леплю.

До этого были сложены
на блюде лица пирожные —

съедает их за ночь прошлое,
запасы равны нулю.
В толпе я живу без паники:
вокруг, как шальные пряники —
живые, такие разные,
кудрявые, как цветы,
и как цветы — различимые
в момент созерцания — мимикой,
осанкой, движением — линии,
оттенки живой красоты.
Что кошка, что древо, что женщина,
что юность, что древность — обещано
мне разное. Только — вещное
от сущного отличать
всегда тяжелее. Кажется,
что сущное — сутью скажется,
оно же — как сетью вяжется,
оно — как в сургуч печать —
не смывается, не развеется,
не сносится, не отсеется.
По сути старуха — девица.
А вещное — что, зола.

Однако синоним вещного —
мгновение бесконечное,
и в нем обитать — конечно же
на-Сущнее. И игла
сшивает грубыми нитками
все то, что должно быть выткано.
И, оспинами изрытое,
пространство зудит борьбой:
когда каждый жест от встречного —
от грозного до беспечного.
Я знаю, это не лечится.
И проще всего — с собой.
И проще — в китайском городе,
на рынке — в безликом омуте.
Честнее в безличном — помните —
не помнить, нести в горсти.
Что все — каждый раз — знакомые.
Не травы, не насекомые,
а уникамы искомые.
И каждый — твой шаг в пути.

§ 6. А Ева ждет продолжения танца,
целует в скважину дверь
теплеет лоном, протуберанцем
из слов в телефон — поверь!
Адам ничего не слышит, не дышит —
в горле застряла кость
Яблока, ананаса, вишни,
фрукта, который — гвоздь
золота дружбы, давно забытой,
выпитой в той ночи.
Ева, не торопи событий,
не шевелись, молчи.
Адам подбирает цепную псину,
гладит жесткий хребет.
Снимает ошейник, наполовину
въевшийся в песий скелет.
Чешет свою безошейную шею,
думает-курит дрянь.
Ева готовит для свадьбы очелье,
кибитку и балаган.

§ 7. Пламенное безразличие
вот что она чувствует
она к нему пламенно безразлична
до ненависти под ногтями
до скрежета кальция
до индевеющих щиколоток
вся в ознобе от сдерживаемого
вся в паутине приличий
подыхает бесстрастностью
к каждой из его безвредных привычек
подсчитывает ложки сахара
сигареты за рулем
выпадающие волосы
грезит
временем когда наконец
одинока как лезвие
лишена опоры кокона
бестолкова
впадет в непламенное чувство различности
себя и кого-то еще.
А пока —
пламенное безразличие,
тотальное растворение,
немота.

Бес-ко-неч-ность...

Но больше я не могу успеть.

Я могу устать.

У меня в запасе не так уж много

осталось их,

этих самых, цветных, за пазухой и во рту.

Я поэтому все молчу — латаю

свою пустоту.

Я поэтому все ищу эту, как ее —

а, беспечность,

Право за-бы-вать про объемы весы и вре...

Мякоть, сок и запах сокрыты в моей коре.

Я их снова смешаю жизнью. И прорасту.

Отойди. Ты что, не видишь?..

Что, как — ослеп?!

Как — оглох? Не смей! Не хочу

тащить на себе вину.

Хорошо, усни — я тоже сейчас усну,

Хорошо, идем, вот — рука,

вот дорога вечно

Проходимый нами-не нами предел всего.

Никаких надежд на счастливое

избавленье.

Ты моя обуза, друза безумных снов,

ты мое тяжелое самое из творений.

§ 9. У него недостаточно памяти.

Жесткий диск — переполненный.

Намертво.

У него недостаточно мощности

Чтобы помнить какие-то отчества,

Применять их по назначению.

У него недостаточно времени.

Только веером искры от провода.

У него недостаточно повода

Этот мир ежедневно копировать.

Эх, его бы да отреставрировать.

Подшаманить слегка средостения.

Эх ему бы софта и везения.

Эх, ему бы. Но новые гаджеты.

Время, что ты за бестолочь.

Гад же ты.

§ 10. Ты, главное, пожалуйста, держись —
за небо, за пространство, за идею —
за что угодно, что подсунет жизнь
земная. Пусть раешная согреет
Когда-нибудь однажды в новом сне
другой юдоли и другого детства —
ты, главное, держись покрепче, не
гуляй без шапки. Маятника сердца
так ритм непрочен, так недолго синь
в прожилках бьется, прорываясь к солнцу —
что я не устаю тебя просить —
держись покрепче, вместе разберёмся.

§ 11. Мое сердце не способно любить
 так, как в детстве любило —
без боли, без выноса реберной клетки,
 без невралгии, тахикардии,
простым биением подтверждая
ежесекундное обожание
мира, который кольцом окружает
рук, млечным запахом, волос лавсаном
— мама...

Мое сердце не способно любить,
так, как любило в подростке —
от мелькания спиц на перекрестке
замирало пугливой синицей, таяло воском,
растекалось олова лужицей с обгорелой
андерсеновской брошкой,
 пробившей картонное тело.

§ 12. Все мы, так и или иначе,
сопутствующие жертвы.
Здесь нас пробило осколком
убитой любви,
там нас переехало танком
любви раздавленной.
Мы ходим, дышим, и головами вертим,
Чувствуем боль от мозолей, водку в крови,
Озираемся на смех или плач затравленно.
Нас пугают чужие проявления
ярких эмоций.
Нам бы – мягких улыбок,
саркастических, иронических,
Сквозь которые ничего не плюется,
и не пробьется.
Мы боимся опять попасть в переплет.
Хронически –
И уже привычно – хрипят
в бесконечной агонии
Те сегменты души,
Что когда-то звучали. Кажется.
Мы покрыты, как бронезавры,
щитами гонева.
И на нас ничьи катастрофы
уже не скажутся.

§ 14. А давай меня пожалеем,
я не буду сопротивляться.
Молока с гречишным медом нагреем
и усядемся в душе ковыряться —
Выщеплять пинцетом зорким занозу,
прижигать, и дуть, и гладить макушку.
А давай меня пожалеем —
извлечем из хрупкой ракушки,
Полимоним и посолим, и нежно
под шампанское вдвоем переварим
Тело белое дрожащей надежды
На оживший прошлогодний гербарий.
Мы разгладим все листы, все фиалки
на пергаменте подпишем-приклеим
Как — не жалко? Что, ни капли не жалко?
Ну и ладно, я сама, я умею.

§ 15. Все однажды закончится,
я попрощаюсь и выйду.
Мне навстречу качнется
огромный изведанный мир.
Я пойду — чуть свободнее,
чем ощущаю — для вида.
И срастусь с ощущением
этой свободы ампир.
Мне не будет ни мало ни много —
углов, перекрестков.
Мне не будет казаться, что я убегаю в себя.
Я стыдливо уйду, ощущая
неловкость подростка
в каждом слове и жесте,
и эту неловкость любя.
Будет солнечный день, чтобы чудилось —
время подлечит.
Я уйду, как уходят, не веря,
что можно уйти —
и остаться живой. Я уйду,
как уходят на вечер.
Как уходят на новую жизнь.
Не пойми,
не прости.

§ 16. Пожалуйста, дайте мне еще времени.

Я хочу пару раз походить беременной.

Да, я в курсе, два сына —

хорошая премия,

но еще бы дочь, или двойню.

Ну ладно, это я сторяча.

Мне с моим здоровьем —

но — времени дайте.

На писанину, на рисунки...

Что? Я давно не рисую?

Я рисую мысленно, и танцую

по утрам. Дайте времени.

Сколько? Всегда.

Дайте, сколько не жалко.

Нет у вас жалости...

Ну тогда — сколько нужно,

чтобы до старости.

Я не старая. Нет. Я всего лишь устала,

я сегодня так рано внезапно встала

и еще не стряхнула остатки сна.

Дайте времени, чтобы у сына весна,

и у сына ребенок, и я на ступенях

их встречаю под веткой черемухи.

Времени!

Дайте времени, да, я устала от секса,
но это сегодня, а завтра — в терцию,
и мелодией вдохи, и пот, как по нотам.
Да, сейчас для меня даже отдых — работа,
и дыхание — труд, и касания — больно...
Я устала, но этим сама недовольна.
Я невольно впустила усталость в себя,
и она обживает меня, обживает,
но времени — все-таки дайте.
Я знаю, я сейчас ничего не хочу.
Только времени.
Я желания вам напишу.
На коленях
процарапаю их на окне замороженном,
подоконника твердь ощущая тревожно.
Их будет так много, моих желаний.
Пожалуйста, времени дайте.

§ 18. Стираешь брови, нежно, смываешь тон,
вытираешь губы.

Остаешься голой, как груздь,
очищенный от травы.

Смотришь на подкожные залежи синевы
венка, на сетку морщин,
на родинку слева, грубо
намекающую на недоступность сравнения
с вечно юной монро, отрицаешь ресницы,
скрываешь зевоту,
убираешь цвета — кость слоновая,

беж, позолота.

Убираешь тени — какие тут были тени...
Отшелушиваешь чешуйки шагреновой кожи,
убираешь девичью круглость

подкожного жира,
расплетаешь мышцы, снимаешь
с креплений жилы,

Удивляешься мимоходом — а так — моложе.

Здравствуй, честность последнего облика.

Пепел — от дуновения — облаком.

В нем опять проступает, лепится

Щек и век и улыбки нелепица.

СИНТАКСИС СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ

Кадмово наследство

i
Он тащился за мной с одержимостью
злого пса,
я бежала, брела, спотыкалась,
устала бояться,
но потом, рассмотрев вдохновение
в лепке лица,
поняла — он из тех, кто во мне
видит — точно — не мясо.
Он ступал — след во след —
эти несколько дней и ночей,
и потом я легла наконец на уютное ложе
на холме среди долины, которую
поит ручей.
Он построит здесь город, и пусть
ему Онга поможет.

ii

Кадм выходит в поле: до горизонта
курумник, проплешины между —
поел лишайник.

Кадму логика мира как рыбе зонтик,
Ему за коровой идти приказал начальник.

Кадм растирает камни как булки,
в крошки,

Кадм бороздит бесплодность
упорным плугом,

Кадм верит: Афина-Онка ему поможет,
И он построит город — как солнце,
кругом.

iv

Корова лежит и ждет. Кадм

угрюмо кидает

За зубом зуб побежденного им дракона.

Размякшую плоть земли за ним орошает

Какая-то серая нимфа из приглашенных

Статисток в пьесе с задачей

от самых свыше —

Построить город, жениться,

родить потомство,

Увидеть, как все проходит,

возжаждать драконства

И тихо окаменеть под ладонью Хроноса,

v

Оставив буквы, которыми все опишут.

§ 1. Рыбный день

Рыбный день четверг.
Жар от камелька,
раскален чугун.
Камбала, треска,
Омуль, щука, сельдь.
В клеточках квартир —
рыбный аромат.
Пахнет рыбий жир,
смешанный с мукой,
луком, чесноком...
Рыбный — день-четверг.
Дождик за окном
хочет послезить,
влагой давит свод,
но пока — никак.
Рыбный день берет

мысли, как пшено —
горстью — птицам — вверх,
рыбам, что еще
не попали в сеть.
Дождику в четверг —
быть, в клешню свистеть —
раку. Нет обид,
счастье есть для всех.

Рыбный день.

§ 2. Старуха сторблена над корытом,
полощет песок, выбирает золото.
Уже полсклянки почти намыто,
Еще бы столько же! Дремлет хата,
Котейка спит, весь в песочной стружке
Подшерсток — будет ему работа.
Старуха трудится — ей так нужно
Успеть до ночи... Ночей без счета.
Без счета склянок с блестящим хламом —
Слюда ли, аурум ли искрится.
Старухе нет в этом деле равных —
Смывать песок, оставлять крупичицы,
Кормить мальков. Выбирают сами
Они, что жрут для потребности роста.
Хватают жадно немymi ртами,
Дерутся, множатся. Ох, непросто —
И скоро в бочке не будет места
для новых рыбок, златых и прочих.
Старик приходит домой, и к ночи
Плывет на лодке к пучине-бездне.
И выпускает подростших стаи,
И набирает мальков в ладони.
Старуха прокормит,
и не прогонит.
Она сумасшедшая, но святая.

§ 3. Песок, песком, песку...

Склонять сыпучесть,
ссыпать в часы, распределять по полкам:
на нижней — те песочные бутылки,
в которых наши встречные попытки
увидеть смыслы; здесь — стеклянно слиты
бутылки в совмещенные сосуды,
песок песку песком ссыпает мысли
в единую крупитчатую кашу,
в песочные часы — а их немало,
хотя, конечно больше тех, просторных,
отдельных, расфасованных по полкам.
А за окном — пустыня и барханы,
по ним ступает сторбленное время.

Каждый миг единения с миром
 в уютном двустворчатом доме
Я учусь, и себя принуждаю
 к неподвижности, чтобы уснуть.
Я сейчас отдохну, как монетка
 на маленькой грязной ладони,
И продолжу стирающий номен
 извилистый путь —
Из кармана в щепоть, из щепоти в суму,
 из сумы в коробок, и однажды
Потеряюсь — на солнце — от солнца —
 в дороги пустую ладонь.
Бренный грешный металл порыжеет от ржи,
 растворится дождями, а жажда
Жизни смоев пылинку
 в жемчужницы бережный дом.

§ 6. В старой посуде прячется время
и застывает.

Ставишь тарелку с полу-
вековой сиренью,
Хлеб отрезаешь,
смотришь как падают крошки.
Время такое легкое — понарошку —
Если ты знаешь
правила светотени,
что пишет долы
прошлого. Все рельефы и впадины
заливает
Млечность воспоминаний, отражена
многомерность —
вот сирень на тарелке
в детском саду, у бабы Аги,
У бабы Нюры, у бабы Ани, у бабы Тани,
вот вязаный мир в гостях, сижу на диване
руки лежат на коленях. А по бумаге

с буквами мелкими
Про кажется верность
заветам ползет муха, газета уложена на
край стола. Сейчас поставят —
уже идут —
я ненавижу лук, чужую еду,
но люблю вот эту сирень в разных
кухонных обрамлениях.
Сквозь борщ, кашу, кисель
ложкой достать
ветки сирени —
и впитать.

§ 7. я так и буду — старенькой — собой,
как древняя любимая посуда,
вся в сетке трещин — с самого отсюда,
с каймой потертой, раковинкой сбой
глазури там, где чаще задевали,
с родимым еле видимым клеймом.

Я не из стали, выживу едва ли,
когда очередной внезапный дом
вместит мою фарфоровую суть
в рутину полок, дверцами бликуя.
И, прозвенев — пардон, какого черта! —
рассыплюсь в прах на голову и грудь
случайно подошедшего для роли,
и, может быть, осколок бытия
с остатком позолоты и деколи
его пленит. И так останусь я,
вмурована в нечаянную память.

И буду таять,

таять,

таять,

таять

§ 8. В глазах впередсмотрящих —
весна и облачка
хрупкие льдинки тают в кастрюльке неба,
луны поварешка в венке из вербы,
венка обнажена,
куличики из песка, песок между пальцами,
пляжи, полночное разное сочное.
В затылки впередсмотрящих —
излом гортаней
тех, кому надо
недобитое прошлое
придержать по-хорошему
где-нибудь рядом,
постылое настоящее грея дыханием —
лишь бы пожалуйста краешек ночи, и
сияние у виска соленое катится,
нимбом окружена
луны поварешка в промерзшем небе,
белые кипы на крышах, как ломти хлеба...
Хватается рука
за прошлое, и тащит.

§ 9. Мы покалечены вечностью.

Точит вода песчаник,
море стопой гольши разминает
в песчаный порох,
вечность стоит в карманах, струится между
пальцами — вечность гибка,
пластична. И детство
ближе к улыбке моря, как липкий пряник
в сумке усталой мамы — залипнет в долах
памяти, и случайно стократно нежно
выпадет — ближе к вечности.

Чем согреться
нам, перебитым дробью секунд? Затворы
щелкают — в пыль песок и в труху дерева
море стопой разминает — усталый камень,
статую, краеугольный валун, колонну.
Тени камней качаются рябью моря.
Вечность калечит нежно,
с улыбкой древней.
Только тот липкий пряник,
тот мамин пряник —
крепче базальта.
И мягче стопы бездонной.

§ 12. Пастерначное

Текло, лило — за столько лет —
Во все пределы.
Потопа тело по земле текло и пело,
О том, что дней водоворот
Уходит тенью,
Скрещенья судеб и дорог,
Людей везенье
Уходят в горний злой порог
Плотом без весел,
И паре тварей добрый бог
Щепы не бросит,
И каждый малый веджимит,
Кузнечик, котик
Пришел туда, где не стоит
вопрос о взлете

По света зыбкому столпу —
В обратный узел.
Потопа тело про щепу
Бескрайней музе
Все пело, и текло по ней,
И вождедело.
И единение полей
И впадин смело
Лизало, щупало рукой
беспалой мутной.
И это было так легко.
И стало утро.

Мир шел по пути взросления
и созревания.
На гениев спрос не рос,
потому что заранее
в любом очевиден надрыв,
а прорыв потомками
запишется, если дойдут
до него с котомками.
Стареет мир — леонардо,
магритты и прочие
в миру пожилом не гении —
разнорабочие,
которые двинули чуть колесо, не более.
А старый мир красота не спасает от боли.

§ 14. И царственно бряцают купола
в кармане неба,
И грязной пылью — семечки ворон,
и облака — оторванный подклад,
и крошкой хлебной
остатки звезд смягчают медный звон.
И в злом, к весне неприбранном, краю
луженой стужи
остатки сладки как последний кус.
Здесь все — как я устало не люблю,
Как мне не нужно.
Я никуда отсюда тороплюсь.
Я долго выбираю горизонт —
рисунок рамки,
в которой будет берег голубой.
Смотреться в божьи окна есть резон
когда ты сталкер,
И бесполезно, если ты слепой.

МЕЖДОМЕТИЕ

§ 1. Мальчик стоит, предлагает знакомство
У мальчика тень от фингала под глазом
в котором остатки вчерашнего порно
Мальчик годится только в подметки —
скроить по праву сильного лева,
сводить в депрессию с видом в детство.
Читаешь мальчику спецтабличку —
кольцо на пальце, в кармане паспорт,
по лавкам дети и в браке третьем
проходишь дальше и снег ложится
на капюшоны на щеки руки
бредущих мимо детей за тридцать
которым страшно в весеннем снеге

которых жажда домашней булки
плеча подружки любой но теплой
толкает в темя толкает в спину
и гонит, гонит вперед, к финалу
в котором будет постылый веник —
букет невесты фата в обнимку
и платье будет цеплять подолом
каблук одной из подружек детства
и бывший мальчик почти мужчина
удавка галстук ремень удавка
шагнет с откоса под поезд жизни,
в которой шанс наконец воскреснуть.

§ 2. У-Вечное

*«Ты — моя рука, ты — моя нога»
(Качалов — жене Нине)*

«Не могу привыкнуть быть безногой,
Ощущаю себя какой-то — не одинокой,
Но — никак не могу представить,
путаю прошлое и настоящее.
Представляю — вот облако говорящее,
Вот — говорящая кошка, птица...
Я не хочу за ногой торопиться,
Но и безногой — я не могу.
Ночами во сне куда-то бегу,
Ночами щупаю — вот они, милые
Привычно красивые, полные силы,
Нет, я не могу. Мне нельзя без ног.
Зачем это странно выдумал бог —
Мне пережить мои ноги,
Но сохранить дороги,
Велосипеды, ботинки,
Всякие с ногами картинки.
Мало я знаю с ногами людей.
Жизнь — ведь она состоит из затей.

Я и сама безногой жила,
Думала это нормально, но вот —
Выросли, а с ногами
— и черт не берет.
Я ведь не сразу их приняла —
Мало ли, молодые дела.
А они прилипли — не оторвешь
Кто-то сказал —
За ломаный грош
Такие не надо.
А я — поверила.
И вот — оказалось,
что сердцем мерила
и вот теперь — не могу иначе...»
И она не плачет,
но что это значит,
когда в каждом слове
невыносимо боли —

не перейти поле.

§ 3. Памяти Боуи

*Памяти видеосалона на Дубровинского
Памяти того, кто показал мне Боуи*

Когда умирают люди,
оживают воспоминания.
Они толпятся, как неприглашенные гости,
около поля рассеянного внимания,
в которое выталкивают
друг друга локтями,
слоняясь по мысленной комнате без окон
дверей стен потолка — воспоминания.
Уходит тлен, остается река. Уходит
стареее, остается сияние.
Все, что скопилось за створками памяти,
и там прорастало, и вило гнезда,
И выводило новых питомцев с кривыми
клювами цвета солнца —
Перекрестья лестниц,
заповедник гоблинов.
Заповедник бессмертен,
безграничен, бесподобен,
как увиденный в первой из трех жизней

ведут к ногам вечнозеленого Дэвида —
с его глазами, украденными
у врубелевского Демона,
с его ногами, украденными
у какой-то феи,
с его плохо сшитыми куклами.
...Откуда у тебя такие большие
Глаза, уши, ноги, руки?
Дровосек отсекает лишнее,
откидывает капюшон,
проверяет лезвие.
Старое дерево
падает, обнажая кольца.
Даже возраст смерти
может быть эротичен.
Добрых снов без зеркал
Все.

она собирает бумажную мелочь
и бережно раздает билеты
сгребает медь, движения беличьи
старая девочка

Улыбается, ищет ответных
приветствий, погода, маршрут,
выходить вам не скоро — внимание,
наш автобус меняет маршрут
и идет прямо в рай
для кондукторов,

где в автобус заходят с улыбками дети,
в их руках самолетики и конфеты.
И они угощают кондуктора сладким,
засыпают пол разноцветным и ярким,
а потом заходит с горячим чаем
и пирожным на белой
с цветочком тарелке
тот водитель, что слег на прошлой неделе
с воспалением легких, и скоро уедет
в рай для водителей.

СИНТАКСИС СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ

§ 1. Дыхание как вдохновение
начинается после срока
отмеренного щепотью
и собранного в горсти.
Трудно поймать и нести
то, что не имеет плоти.
Вдохновение как дыхание
невесомо висит высоко-
вольтным проводом жжет наготу ладоней
до калечности и увечий
и свечением душу лечит
душит тушу — до выплеска —
в строчки —
агонии.

§ 4. Между ласточками вечности
 (свист крыльев, по небу точки,
нет, это уже не лечится,
 попробовать одиночество)
И птахами повседневности
 (пух, прах, бои из-за крошек,
преодоление лени,
 как хочется спать, о боже)
Нет никакой эволюции.
 Взаимно не проникая,
эти стаи за воздух не бьются,
 малый мой отсек рассекая —
Просто небо в ласточьих норах,
Просто площадь в крошках и пухе.
Рамка мира торчит забором
по периметру бытовухи,
где для нежности так достаточно
наблюдать, как ребенок с булочкой
все пытается хищных ласточек
приманить в скворечную будочку.

Слово. Убогость слов.

Маленький бог суров:

«помнишь я как писал —

легче чем ты поссал,

ты же рожаеть, краб, кучу икры, ты слаб,
даже когда икра легкая, как игра.

Ты, не пройдет и дня,

будешь опять меня —

помнить, а все твое будет опять жнивье».

Дети, как способ жить.

Каждый уже бежит

по своему пути. Милый, не уходи,

вот, ты забыл с собой

завтрак, стрелу, гобой,

меч, пистолет и кисть,

милый, не торопись.

В каждой траве есть свой
способ не стать травой.

§ 6. Попасть в болевую слепым
указующим пальцем.
Вонзить, и смотреть. Не моргая,
с восторгом смотреть,
Как корчится тело, как мозг
изменяет пространство,
как камни текут, превращается
в омуты твердь.
Как чьи-то устои, устав
от устава и правил,
трещат по залепленным гипсом
бинтованным швам.
Как перст указующий кто-то
случайно направил
В твою болевую — и падает
внутренний храм.
И в воздухе пыль перламутровым
облаком виснет,
И сотни осколков впиваются
в маленький рай,
Уложенный гнездышком, выстанный
пухом и смыслом.
Ты сир, и бездомен, и легок.
Иди, выбирай.

§ 7. А по белу грязну свету
Ходит шкурка от поэта.
Изошел на свет поэт,
И теперь поэта нет.

Есть слова, и есть дыханье,
причитания, оправданья,
есть природы колыханье,
Есть движение планет,
Строчки есть и междустрочья,
Голос есть, и даже ночью
Можно убедить всех прочих
Что вот это — сам поэт.

Но когда приходит ливень,
И пронзает мир, как бивень,
И секут пространства мили
сотни струй, как сотни шпаг —
Все строения умыли,
Всё пробили, оживили,
Но не видно тлена, пыли.
С шкуркой от поэта — так.

Как шагреневая кожа,
чей клочок всего дороже,
С нарисованной не рожей —
он печальным ликом чист —
Существует тень поэта.
Все простят его за это,
Всем почти и незаметно.
Лишь крутой таксидермист
Распознает, что начинка,
Света божия личинка
Убежала, половинку
Перекинув в створки книг.
И поэта оболочка
Снова ищет — в междустрочках
Запятых, пробелах, точках —
Вдруг опять наступит миг,
Вдруг от искры, вдруг из праха,
Из подмышки или паха
Птица-феникс, злая птаха
И вспорхнет, и воспоеет,
И развеется химера.
И пока такая вера
существует в шкурке серой —
Жив поэт.
Поэт живет.

загонов поют про сметану
и свежий творог.
Пастух подбирает щепу, и бредет.
На заборе
висит пережаренный солнцем
до трещин ковёр.
Синь выела дыры в небесном
белесом подзоре.
Просторная скука. Спокойный
и скучный простор
Рассыпался пылью, дровами,
золой, пирогами.
И день обрывается в ночь
календарным листком.
Измерено: жизнь — трудоднями,
удача — деньгами,
Спокойствие — прошлым,
и завтра — парным молоком.

2

Утро пахнет улыбкой с прищуром.
Дети радостно, взрослые хмуро
Проверяют плакаты, цветы.
Первомайское зыбкое племя —

Пасьянс бытия вдруг
покажется ясным на миг,
и воскресное утро обновой —
счастливой рубашкой обнимет,
И станет все быть хорошо.

4

Кружит, вяжет,
утюжит,
кажет
лики и рожи
Мажет
Красным,
Зелёным,
трехцветным.
Трехбуквенно кроет
Строем, роем, толпой, одиночками,
Многоточие — зло,
Многосложие
Много хорошего
Растворяет,
Теряет
Ныряет в просодию
Каждый выпавший снова впадает в поток

Русло узко, а омут широк
Мир стреноженный,
мир обезмолвленный
Канул,
Шагнул за порог ноосферы
Где орудие веры и знания мощь
разлетятся в щепу,
Где древесность системы забыта,
Где сокрыто
Все, что явно,
И все, что является — тайна, как тексты
От Татьяны и Якова, Агнии и Иоанна,
Имена колосятся, щекочутся
остью с экрана
Странно
Верить во что-то,
Кроме
Зова крови
И шифра генома.

5

Структура памяти междисциплинарна.
Сенсорная, краткосрочная,
долгосрочная, если вкратце.

От аптеки, от улицы, от света фонарного,
От школы с уроками
 классных комнат и рекреаций —
К случайно подхваченным,
 но просочившимся в прочное,
Впаявшимся в схемы прошивки,
Залитым в нейронный припой.
Стопой
Огрубелой, мозольной,
 не знающей нежных капронов,
Ступить на порог,
И ждать,
Когда
Фамильного древа подросшая крона
вспомнит.
Веско отдать
Одетое в белый
желтый
Расшитый крестом полотенчик
Сокровище — вышитый хлам,
Многоделье для рук,
И книгу, где выкройки брюк,
Рецепты засолки,
Советы хозяйкам —
«...песком и мелом».

6

Ай дуду ай дуду
Сидор потерял дугу,
Потерял, не нашёл —
Сам заплакал и пошёл.
Сидора нашла
Красноармия,
К коникам прибрала.
Сидор жмурился, стрелял,
с коника упал, отстал.
Попал.
Армия Колчака.
На что годен, ну?
Приставила к казану.
Казан не дуга,
Жизнь копейка,
Душа дорога.
С казанищем —
Выгнутым днищем
Дугу ищем.
Сперва наступали,
Потом пошли на попятный.
Сидор казан таскал,
Так и отстал.

Все кругом бито, мято.
Прибился к месту,
Нашёл невесту.
В садике-огородике
Дугой ранеткигнулись,
стояли ульи.
Шура не одна, с приданным:
Поехали, мальчика
забрали от отца.
Ещё двоих девок родили.
Окрестили
Ираидой и Агнией.
На чердаке
Вместе с бумагами
Валялись
лаковые туфли и шапка-пирог из бархата.
Прабабка-то
Была франтиха.
Жили хлебно, мёдно,
Тихо.
В казане плавали утята.
Внучата пошли — тоже девчата.
Пять внучек.
Быт в мёд влип.

Ай люли, ай люли,
прилетели журавли,
сели на ворота,
а ворота скрип-скрип

7

Зеркало века все рядится в разные рамы —
то позолоту, то шебби. То колос, то глину.
Гранью прозрачной отломлено наполовину
все, что сейчас происходит —
и фарсы и драмы.
Нынешний век не отличен
от века бывшего —
так же внимает искусство дыханию плоти,
Так же цитируют древних —
Сократ, Аристотель,
Так же не слушают все,
что внезапно и ново.
Зеркало века — поверхность
волшебного шара —
Хрупкой игрушки в коробочке,
пахнущей хвоей
Главное в фокусе — глаз,
владелец его, двое-трое

Сравнивается, убивается, рождается,
Живёт долго и счастливо,
и бессмертно
Время инертно,
Время бито, опасливо,
Время цифирью и стрелками мается,
Меж пружиннок корежится,
ценится, понимается
Играет мерцает дышит соблазнами
Моя голова ежевична и сердечна,
Времени нет,
Потому что
Оно
Ограничено,
А голова — цинично
Плюет на этот бред,
И считает себя
Всевечной
Всему предтечей
Начало начал.
Тапки, вокзал,
Чьи-то голые пятки свисают в проходе.
Время уходит.
Последний вагон шатается пьяницей,

Лязгают двери.
Билетика ржавый картон
С дырочкой посередине
Проводница жеманится
Проверяет уходит идёшь за серым бельем
Мы все умрем
Каждый в своё время
Кто-то вернётся в свои пять
Чтобы бесконечно играть в прятки,
и ждать,
когда
кто-то невидимый снова
простучит по доске, этот кто-то
уже считает
Кто-то закружится в шаге от выпускного
в танце весеннего бала, мороженка тает,
кто-то
В ладони любимой зароется
в спальне, изумлен.
Кто-то подпрыгнет за мячиком
Каждый выберет сам тот
последний кадр, который
мелькает заставкой в конце
Фильма.

Без флёра чужих измен,
Без казней московских писателей,
Без блеска тачанки, без
Несметной среды соискателей
На право, на сад чудес —
Где книжная пыль мешается
С всеанной, чей нежный прах
С биением сердца сношается
Плодится на всех углах.
Три бабки, три анны, троица,
И каждая хороша —
У каждой — своя бессонница,
Своя упокой душа.
Одна была Нюра. Павлова:
муж Павел. Да что с имён.
Остался в недетской памяти
Малиновый тонкий звон
Того приглосья истового,
Что вечно искать — как рай,
Когда вдоль застолья искрами —
Ну, Нюр, запевай, давай,
И — Нюра глухим бетховеном
По знакам узнав — пора,
Взрывала пространство. Верхов её

Звенящий летел таран,
Ломая пространство вышивки
С цветочками и винцом,
И песня неслась над крышами
В бессмертную синь гонцом.

10 /cosegi/

Бабаня живёт за забором в высоком доме.
Сквозь ребра забора мелькают рябые куры.
Бабаня все время мурлычет про сына Юру.
Внук — позже погибнет

(или пойдёт в тюрьму?)

Пока — у Бабани — крыльцо,
и просторный двор —
Загадкой тенистой. Иной суеты уклад:
Ворота иначе замком навесным гремят,
На шаг половицы иначе ведут разговор,
У чая в гостях непривычный
чуть мыльный вкус,
Зато на подушках болгарским
крестовьем мак.

Бабанин платок в огороде —
как белый флаг.
Бабанин волос седой был когда-то рус.

Бабка Анна стирает и моет.

А листьев монисто

Над домишком не хуже,

чем над горсоветом, блестит

После летних дождей.

Бабка Анна не знает печали —

Если кончилась водка,

найдет где помыть-побелить

У соседей-знакомых.

А те б за обедом налить

Не забыли, и рублик

на завтрашний праздничек дали.

12 /сестра гегда/

Анна Тихоновна умница разумница,

Мужа кормит киселями и кашами,

Да картошечкой с капусткою квашеной

Оба худенькие, оба сугулятся,

Муж Иван кашеев сын в чем душа

Еле держится — свой век проживет

И за год до полновека уйдёт,

Подустав один за всех куковать.

Анна в молодости видной была,

Длиннокосой, и характер кремень.

Анна сына одного родила —
В детстве нянчила братьев каждый день,
И поэтому один, а не пять,
И поэтому семья как кулак.
Было страшно много деток рожать.
Вдруг опять объявят — враг и кулак
Кто обжился и запасы завёл,
Кто детей растил в трудах и расцвёл.
Анна помнит, как подводу семьёй
Собирали, как искали, где жить.
Так и будет прочно в памяти вой
Детский бабий горе быстро бежит
Откупала Анна брата потом —
За корову, был шофёр не тому —
И не тот попал, вражина, в тюрьму
И в расстрел, а брат чужим животом —
Брюхом пёстрым был спасён от беды,
И отправлен на далекий восток.
Анна знает, память — вязкий песок,
Много-много утекает воды.

13

Уходишь

Как в комнату, полную света, во время,

Как, ярким наливаясь, ни расти
На титьках кочек бодрая осока —
Туманец рваный горше и честней.
Не отыскать в бессрочной боли сока
Истории — историй-новостей,
в которых станут счастливы и живы,
В которых превозмогут и спасут.
Истории нельзя давать поживу
в надежде, что какой-то светлый суд
присудит, и осудит, и обяжет,
Накажет по закону и делам.
История паучьей сетью вяжет
Тех, кто скребет по тёмным злым углам,
Тех, кто затих в неведенье искомом,
Тех, кто в уютном небе гнезда свил.
История — слепая невесомость
Без мер,
надежд,
дыхания,
любви.

15

Сон вяжет и тянет, как плавит
желудочный сок

Этот камешек лета, короткая ночь
на границе двух дней июня,
даты смерти подруги,
И дня рождения бабушки, которой нет
Ровно двадцать лет без недели.
И весь этот бред
Примириет меня с постоянством потерь
и текучестью жалкого завтра
В бездну вчера.
Дожить до утра,
И кофе, и птичьего шума, и детского гама,
И мысли упрямо
Засунуть в карман на потом.
Дожужим,
Если будет
ночь побольше, чем этот огрызок.
Рассвета кулиса
Опадает.
Театр теней уложился, как веер в руке.
Мысли свёрнуты на языке,
Приколочены к небу, как к небу
прибиты ковши и полярная точка,
Ну и ночка.
Пожалуйста, утро.
Да, с кофе и хлебом.

17

Мамина красота бесспорна. Она
так многократно освещена
ночникком у моей кровати,
утренними лучами,
вечерними полутенями размечена.
Моя мама — весьма молодая женщина
с неправильными чертами,
которые обаятельно
похожи и непохожи на
черты известной певицы. В снах
мама приходит спасать от веселых чертей
в красных узорчатых платьях.
И, сидя у изголовья,
Гладит по голове
Пятилетнюю испуганную меня.
При свете летящего летнего дня,
где мешается сиреневый цвет
с цветом морковной крови,
которую пьет маленький братик,
она ни с кем не сравнима по красоте
Поэтому у меня трое детей

АНАЛИЗ ЧАСТОТНОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

При анализе не учитывались другие части речи (наречия, прилагательные и т.д.), но объединялись различные словообразования с одним корнем (модификации через падежи, приставки, суффиксы и т.д.).

В группе лидеров оказались 7 сущностей:

время — 49

мир — 28

рука — 25

день — 23

жизнь — 23

ночь — 22

память — 21

Представляется интересным тот факт, что большинство из сущностей так или иначе связаны с категорией времени (время, день, жизнь, ночь, память).

Осталась ещё пара, мир-рука, весьма сильная в частотном употреблении. Эта связка напоминает способ видения мира действующим художником.

Таким образом, спекулятивно можно предположить, что «Женская грамматика» — попытка описать мир в категориях времени, родственная одной из задач живописи: передать движение через статику.

*Подсчет и анализ —
Рустам Карапетьян*

Ольга Левская

ЖЕНСКАЯ ГРАММАТИКА

Вёрстка: Виталий Овчаренко

*При оформлении обложки использованы
картины Анны Осиповой:
«Девушка со слезой»,
«Уйэлер тухары Бииргэ» («Вместе на тысячелетия»)*

ISBN 978-5-9909932-8-0

Подписано в печать 23.08.17
Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,67.
Тираж 250 экз.

Отпечатано в типографии «Крафт»
ООО «Палитра» г. Красноярск
www.kraft-pt.ru www.4uprint.ru
т. 8(391)242-12-21. 2421221@mail.ru